

ВЕНСКИЙ КРУЖОК: ПАРАДОКСАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Гавриленко Станислав Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: o-s@proc.ru

В предлагаемом тексте развивается ряд положений статьи Н.И. Кузнецовой «Оксюморон Венского кружка». Особое внимание уделяется интеллектуальному наследию Венского кружка, являющемуся во многом парадоксальным – отвергаемым и одновременно действующим.

Ключевые слова: Венский кружок, наследие, наука

THE VIENNA CIRCLE: A PARADOXICAL HERITAGE

Stanislav M. Gavrilenco – PhD in Philosophy, Associate Professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: o-s@proc.ru

The proposed text develops a number of provisions of N.I. Kuznetsova's article "Oxymoron of the Vienna Circle". Special attention is paid to the intellectual heritage of the Vienna Circle, which is in many ways paradoxical – rejected and simultaneously operational.

Keywords: heritage, science, Vienna Circle

Нелегко высказать реплику на текст, в котором, как кажется, все главное уже сказано, причем сказано энергично и убедительно. Венский кружок – это действительно «удивительный феномен Венской культуры», существование которого поддерживалось «игрой в сочетании несочетаемого» [Кузнецова, 2024, с. 26]. «Оксюморон» становится собственным именем этого удивительного феномена – замечательная находка Наталии Ивановны Кузнецовой. Но главный вопрос, который ставится в ее блестящем тексте, это вопрос о нашем долге и обязательстве перед теми, кто, разрывая с философским порядком («сознательно сжег мосты») и даже разрушая его, нашел тем не менее способ практиковать философию по-новому, проектируя ее будущее, т.е. то, чем она наконец должна стать¹.

¹ См., например, программную статью Морица Шлика «Будущее философии» [Шлик, 2001], где это будущее связывается с поддержанием различия между «выяснением смысла» (делом философии) и «установлением истинности» (делом науки), и манифест Венского кружка «Научное миропонимание», написанный Рудольфом Карнапом, Гансом Ганом и Отто Нейратом, где предлагается набросок проекта создания единой науки как собственного дела философии [Карнап и др., 2005].

Что значит или могло бы значить для нас наследие Венского кружка или, шире, логического позитивизма, наследие многократно и со множества позиций раскритикованное, но при этом продолжающее оказывать свое воздействие, сохраняя интеллектуальное очарование и даже способное производить эффекты соблазна; наследие, отмеченное радикализмом и бескомпромиссностью постановок проблем и диагнозов, но и едва ли небольшим радикализмом предложенных решений и способов «терапии»²; наследие, одной из определяющих черт которого стало сложное, разворачивающееся на разных уровнях и в разных контекстах напряжение между речью анализирующей и констатирующей и речью предписывающей и нормализующей? Простых, а тем более однозначных ответов на этот вопрос у нас до сих пор нет, и, возможно, их не может быть в принципе.

Логический позитивизм – это бескомпромиссная попытка (в итоге потерпевшая крах) раз и навсегда изменить сам философский ландшафт и перерисовать карту философской территории, изъяв из нее целые регионы. Жест, безусловно, революционный, и к нему можно по-разному относиться («реакция» не заставила себя ждать), но в любом случае неуместны снисходительные усмешки³ в адрес Венского кружка и логического позитивизма – интеллектуальное качество его работы остается во многом образцовым⁴, а его стилиевые и концептуальные особенности без труда считаются во многих

² Многие положения логического позитивизма и в самом деле звучали как приговор, исполнением которого должна была стать даже не столько терапия, сколько ампутация: «вся метафизика состоит из псевдопредложений», «метафизика – это бессмысленное сочетание слов» [Карнап, 2001, с. 42, 59], «все настоящие проблемы являются научными, и других проблем не существует», «судьба всех “философских проблем” такова: одни из них исчезнут, коль скоро будет показано, что они – ошибки и результат неправильного понимания языка, другие же будут признаны обычными научными вопросами, хотя и замаскированными» [Шлик, 2001, с. 76]. Но нужно отметить, что «исполнение приговора» всегда предполагало кропотливую работу, в ходе которой часто достигались технически важные результаты.

³ Зачастую эти насмешки вызваны тем, что следы принципиально отвергаемого спекулятивного метафизического мышления без труда находятся в работах участников Венского кружка – для того, чтобы их обнаружить, порой не нужно даже прибегать к изощренным приемам деконструкции. Например, «фигура» осознающего свою задачу (противостоять «метафизическому и теологизирующему мышлению») духа *просвещения* появляется буквально в первом абзаце программного для Венского кружка текста «Научное миропонимание»: «Однако в настоящее время укрепляется и противоположный дух просвещения и антиметафизического исследования фактов, осознавая свое существование и свою задачу. В некоторых кругах, опирающийся на опыт и отвергающий спекуляцию способ мышления жив как никогда, лишь укрепляемый вновь поднимающимся сопротивлением» [Карнап и др., 2005, с. 13].

⁴ Поэтому призыв Наталии Ивановны «Читайте и перечитывайте классику!» должен быть поддержан.

пост- и даже антипозитивистских философских исследованиях. Наверное, есть определенная ирония в том, что логический позитивизм вполне отвечает «континентальному» определению философии Делёза и Гваттари как «творчества концептов». Концептуальные инновации логических позитивистов многочисленны: «факт», «верификация», «логический синтаксис», «язык наблюдения», «протокольные высказывания». Теория значения, логическая структура научного объяснения и предсказания, проблема подтверждения (одни из главных исследовательских приоритетов логического позитивизма) – это темы, по-прежнему определяющие проблемное поле академической философии науки. Разработанные ими техники логического анализа языка и логической редукции – рабочие инструменты той же философии науки, философской логики, аналитической философии (начиная с философии языка и кончая аналитической метафизикой). Наследие Венского кружка парадоксально – часто отвергаемое в своих базовых принципах (феноменализм, физикализм, единый язык науки, верификационизм и т.д.) и радикальных следствиях, оно продолжает оставаться действующим⁵. Венский кружок – это не запылившийся предмет философского (или антифилософского) антиквариата и уж тем более не экспонат интеллектуальной кунсткамеры.

Нам хотелось бы несколько подробнее остановиться на одном важном аспекте наследия Венского кружка, связанном с наукой, которую, как справедливо отмечено Наталией Ивановной, «в кружке знали не понаслышке» [Кузнецова, 2024, с. 30]. Наука для кружка была всем: и привилегированным исследовательским объектом (логический анализ языка науки), и последним гарантом возможности осмысленной речи, и единственной надеждой на прогрессивные социальные изменения. Однако вот что является важным. Вся философская программа Венского кружка зависит от почти непроговариваемого нормативного решения: *позитивность самой науки* (как она сама фактически есть) не может быть принята полностью (как не может быть принята и позитивность обыденного языка, грамматический

⁵ Не стоит забывать, что логический позитивизм не только ввел в философию новые проблемы, понятия и концепции, новые инструменты и техники мышления, наконец, новые формы (коллективные) интеллектуальной работы, реорганизовав самим фактом своего появления философское поле, но и способствовал изменению институционального порядка философии (ср. у Стива Фуллера: «Пожалуй, самым долгосрочным институциональным последствием логического позитивизма стала смена места “смелого” философствования: от метафизики и эпистемологии к философии языка и философии науки» [Фуллер, 2018, с. 129]): университетские кафедры философии и методологии науки (или со схожим названием), учебный курс и аспирантский экзамен по истории и философии науки, соответствующие структурные подразделения в академических институтах и специализированные журналы (включая и этот – «Эпистемологию и философию науки») – все это тоже наследие Венского кружка.

синтаксис которого далеко не всегда выполняет задачу по исключению «бессмысленных предложений») или, если мы примем более сильный тезис, должна быть проигнорирована. Еще один оксюморон? Возможно. Очевидно, что с этим решением связан целый ряд сложных категориальных и концептуальных проблем. Например, эпистемический и логический статус метанаучных (в смысле Стивена Шейпина [Шейпин, 2020]) высказываний (в случае логического позитивизма это высказывания о высказываниях) всегда вызывал определенное беспокойство (трудно было, если вообще возможно, показать их соответствие вводимому критерию осмысленности предложения) – уже первый биограф Венского кружка Виктор Крафт его честно и старательно документирует [Крафт, 2003]. С ним же (решением) связаны важные для логического позитивизма понятийные различия между эмпирическим и логическим, синтетическим и аналитическим, фактом и предложением. Но именно от этого решения зависит и определение собственного места философии, как его задал Венский кружок. Она теперь призвана быть *логическим анализом языка науки*. Наука (и только она) – «это система истинных утверждений» [Шлик, 2001, с. 74.]⁶, т.е. предложений о фактах. Анализ выражающего их языка, т.е. выявление синтаксических и семантических условий их истинности, возможен, только если мы лишим предложения науки их собственной позитивности (фактичности)⁷: логика не эмпирична – это принципиальный тезис логического позитивизма. Язык науки, о котором говорит Венский кружок, не обнаруживается, он конструируется средствами «современной символической логики»⁸. Логический анализ языка науки оказывается набором операций, которые постоянно осциллируют между тем, что есть (но при помощи серии «очищений» и предельных переходов возводится в норму), и тем, что должно быть (что опять же указывает на конструирующее нормирование)⁹. Актуальная позитивность науки – это

⁶ Шлик здесь почти дословно повторяет определение науки из предложения 4.11 «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна.

⁷ Но ведь даже «истинные утверждения» о фактах каким-то образом есть и каким-то образом случаются. Не наделены ли они своей собственной фактичностью (позитивностью), отличной от позитивности описываемых ими фактов? Как представляется, «Археология знания» Мишеля Фуко, текст почти математической строгости, это одна из немногих попыток построить последовательную теорию собственной позитивности высказываний.

⁸ Ср.: «Только в современной символической логике (“логистике”) удастся получить требуемую строгость определений понятий и высказываний и формализовать интуитивный процесс умозаключений обыденного мышления, то есть привести его к строгой форме, автоматического контролируемой посредством знакового механизма» [Карнап и др., 2005, с. 20].

⁹ Многие тексты логических позитивистов показывают эти колебательные движения. Ср.: «...для научного миропонимания характерно применение опреде-

то, что требует преобразования, которое превратит науку в подлинно позитивную науку, т.е. соответствующую своему определению (как систему истинных утверждений). Решению этой задачи должен был способствовать важнейший для Венского кружка проект единой науки, в котором логическому анализу языка и, соответственно, философии отводилась роль «прояснения формы создания единой науки» [Карнап и др., 2005, с. 20]. Этот проект откровенно конструктивистский и нормативный и едва ли не гегелевский по своему размаху и духу: его реализация означала, что отвергнутая позитивность науки будет наконец-то приведена в соответствие со своим понятием, т.е. с концепцией науки самого логического позитивизма (в 1960-х Израэль Шеффлер назовет ее «стандартной»)¹⁰.

И вот здесь мы сталкиваемся со странной и причудливой работой наследия, оставленного нам Венским кружком. Мы оставим в стороне многочисленные его технические достижения в логике и важные идеи в области философии языка. Не можем ли мы сделать осторожное предположение (для его строгого обоснования здесь, к сожалению, нет места), что многие современные тренды в исследованиях науки (сильная программа в социологии знания, Science Technology Studies, акторно-сетевые подходы, современная история науки¹¹) являются своеобразным выражением той особой чувствительности к фактическому, которая была одной из определяющих характеристик Венского кружка, той чувствительности, которая теперь обращена не только к «фактам науки», образовавшим для логического позитивизма предельный горизонт ее легитимности, но и к фактичности самой науки? Не являются ли эти тренды и результаты их исследований множественными ответами на вопрос, что будет, если

ленного метода, а именно метода логического анализа. Через применение этого логического анализа к эмпирическому материалу, научная работа стремится к достижению своей цели, к единой науке. Поскольку смысл каждого научного высказывания должен быть установлен через сведение к какому-нибудь высказыванию о непосредственно данном (das Gegebene), то и смысл каждого понятия, к какой бы отрасли науки оно не принадлежало бы, должен быть установлен через пошаговое сведение к другим понятиям, вплоть до понятий самой низшей ступени, которые относятся к непосредственно данному. Если бы такой анализ был осуществлен для всех понятий, то они тем самым были бы упорядочены в некоторую систему сводимости (Rueckfuehrungssystem), “конституирующую систему”» [Карнап и др., 2005, с. 19].

¹⁰ Мы были вынуждены опустить массу деталей, касающихся в том числе вопросов верификации, языка наблюдения, подтверждаемости, модели научного объяснения. Стандартная модель науки кратко представлена в статье Наталии Ивановны.

¹¹ Влияние логического позитивизма на институализацию истории науки как академической исследовательской дисциплины хорошо известно. См., например, [Дастон, 2020; Писарев, 2020].

саму науку превратить в предмет позитивного исследования? Собственно, логический позитивизм оставлял подобную возможность. Но дело в том, что, приняв подобные исследования всерьез, нам уже невозможно принять стандартную модель науки и организующую ее нормативность. Наука оказалась сложнее, и не в последнюю очередь сложнее онтологически¹². Эмпирическая данность науки – это не только истинные утверждения о фактах. Эмпирически наука дана как многообразие, в которое входят идеи, приборы, места, формы репрезентации, способы финансирования, люди, эпистемические добродетели, техники наблюдения и экспериментирования, институты, сообщества, самости, исследуемые вещи и прочее, прочее. Это поразительное по своим масштабам и сложности многообразие, единство которого удерживается не логически сконструированной «формой единой науки», а сложнейшими и исторически изменчивыми типами координации. Верность наследию оборачивается предательством.

Хорошим примером подобной верности через предательство является коллективный исследовательский проект по истории научного наблюдения под руководством Лоррейн Дастон¹³ и Элизабет Лунбек. «Наблюдение – везде и нигде в философии и истории науки. Оно повсеместно, будучи важнейшей научной практикой во всех эмпирических науках (и в естественных, и в гуманитарных) и даже, по-видимому, в математике на отдельных исследовательских стадиях. Но наблюдение невидимо, потому что, как правило, воспринимается настолько основополагающим, что едва заслуживает специального исторического и философского внимания. Это верно, что в середине XIX в. некоторые философы занялись темой научного наблюдения, но только для того, чтобы усилить представление о нем как о пассивном и примитивном» [Daston, 2018, p. 97]. Венский кружок, скорее всего, согласился с этими высказываниями выдающегося историка науки. Но то, что в логическом позитивизме фигурировало как проблема протокольных высказываний и нейтрального языка наблюдения, превращается в современной истории науки в завораживающие по своей сложности серии исследовательских (эмпирических) объектов и фактов, которые должны заполнить исследовательскую

¹² Разговор об онтологии науки – это не только разговор об онтологии объектов научных исследований, но и о способах существования такой «вещи», как наука, и ее онтологическом составе.

¹³ Лоррейн Дастон и Питер Галисон впишут логический позитивизм в свою историю научной объективности, типологически объединив его под именем «структурной объективности» с Пуанкаре, Фреге, Планком, Расселом. См. [Дастон, Галисон, 2018, с. 365–443]. «В научном описании речь может идти только о структуре (форме упорядочивания) объектов, а не об их “сущности”» [Карнап и др., 2005, с. 20].

территорию истории научного наблюдения¹⁴. Это попытка с помощью исторического письма реактивировать и переприсвоить «специфичность» и «разнообразие» научного наблюдения, воздав должное «предмету», который философские и иные метанаучные дискурсы, используя различные стратегии редукции, лишили «сложности» – структурной и исторической, и тем самым сделать его видимым, различимым и действующим (активным) в сложном историческом ландшафте науки.

Но за подобные демарши (внимание к позитивности самой науки) нужно платить высокую цену, прежде всего утратой очевидности, которую Венский кружок не без труда завоевал для себя, относительно того, что есть и чем должна быть наука. Мы уже не уверены, что знаем это. Какие формы теоретических и эмпирических единств должны обеспечить связность науки в ситуации, когда результаты многочисленных исследований науки привели к эмпирической деконструкции столь многих универсальных структур и фигур тождества? Рассеивание, пространственные и временные масштабы и конфигурации которого нам так трудно определить, является модальностью существования таких объектов, как «научное наблюдение» (а возможно, всех тех объектов, которые мы собираем под рубрикой «наука»). Но как об этом говорить, а главное – как подобные рассеивания исследовать?¹⁵

Несмотря на неоднозначность отношения Венского кружка к этике, всю его работу пронизывал этический императив – безусловное требование ответственного слова. Мы, живущие в эпоху неконтролируемой семантической инфляции многих важных слов (среди них и слово «наука») и чрезвычайного умножения инстанций, претендующих на смыслопорождение и смыслопроизводство, имеем ли мы еще возможность хоть как-то соответствовать этому требованию? Возможно, верность наследию Венского кружка заключается в том, чтобы не забывать задавать себе этот вопрос. Что мы говорим, когда говорим, и готовы ли мы отвечать за собственную речь...

¹⁴ Вот один из множества примеров подобных серий, реализованных в данном проекте и далеко уходящих за пределы программы Венского кружка: «Множество аспектов научного наблюдения: его места (поле, лаборатория, обсерватория, но также домашнее хозяйство и врачебный кабинет); его инструменты (от препарирующего скальпеля до стробоскопа, но также записные книжки и таблицы данных); его образы (ботанические иллюстрации, фотографии, но и карандашные наброски); его характеры (personae) (ученые-виртуозы, путешественники, авантюристы, корреспонденты)» [Daston, Lunbeck, eds., 2011, p. 6].

¹⁵ Недавний текст Дастон [Дастон, 2020] – это выражение дисциплинарной растерянности, вызванной самими исследовательскими успехами истории науки.

Список литературы

Дастон, 2020 – *Дастон Л.* История науки и история знания // Логос. 2020. № 1 (134). С. 63–90.

Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: НЛО, 2018.

Карнап, 2001 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Путь в философию. Антология. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 42–61.

Карнап и др., 2005 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. 2005. № 2 (47). С. 13–27.

Крафт, 2003 – *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2003.

Кузнецова, 2024 – *Кузнецова Н.И.* Оксюморон Венского кружка // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 61. № 1. С. 24–34.

Писарев, 2020 – *Писарев А.А.* «Все мы посткунианцы»: эпизоды необыкновенной истории «Структуры научных революций» // Логос. 2020. № 3 (136). С. 135–177.

Фуллер, 2018 – *Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Шейпин, 2020 – *Шейпин С.* Как быть антинаучными // Логос. 2020. № 1 (134). С. 159–185.

Шлик, 2001 – *Шлик М.* Будущее философии // Путь в философию. Антология. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 66–78.

References

Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka” [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language], *Put' v filosofiyu. Antologiya*. Moscow: Per Se; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, pp. 42–61. (Trans. into Russian)

Carnap, R., Han, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskii kruzhok” [Wissenschaftliche Weltauffassung Der Wiener Kreis], trans. by Ya. Shramko, *Logos*, 2005, no. 2 (47), pp. 13–27. (Trans. into Russian)

Craft, V. *Venskij kruzhok. Vozniknovenie neopozitivizma* [The Vienna Circle: The Origin of Neo-Positivism]. Moscow: Ideya-Press, 2003. (Trans. into Russian)

Daston, 2008 – Daston, L. “On Scientific Observation”, *Isis*, 2008, vol. 99, pp. 97–110.

Daston, L. “Istoriya nauki i istoriya znaniya” [The History of Science and the History of Knowledge], *Logos*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 63–90. (Trans. into Russian)

Daston, Lunbeck, eds., 2011 – L. Daston and E. Lunbeck (eds.) *Histories of Scientific Observation*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2011.

Daston, L., Galison, P. *Ob'ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: NLO, 2018. (Trans. into Russian)

Fuller, S. *Sociologiya intellektual'noj zhizni: kar'era uma vnutri i vne akademii* [The Sociology of Intellectual Life The Career of the Mind in and around the Academy]. Moscow: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS, 2018. (Trans. into Russian)

Kuznetsova, N.I. "Oksjumoron Venskogo kruzhka" [Oxymoron of the Vienna Circle], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 1, pp. 24–34. (In Russian)

Pisarev A.A. "Vse my postkuniancy': epizody neobyknovennoj istorii 'Struktury nauchnyh revolyucij'" ["We Are All Kuhnians Now": An Episode in the Remarkable Story of "The Structure of Scientific Revolutions"], *Logos*, vol. 30, no. 3, pp. 135–177. (In Russian)

Shapin, S. "Kak byt' antinauchnymi" [How to Be Antiscientific], *Logos*, vol. 30, no. 1, pp. 159–185. (Trans. into Russian)

Shlick, M. "Budushchee filosofii" [The Future of Philosophy], *Put' v filosofiyu. Antologiya*. Moscow: Per Se; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, pp. 66–78. (Trans. into Russian)